

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Функции хтонических образов в художественном мире
А. Блока («Пузыри земли», «Город», «Снежная маска»)**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 4 курса 411 группы
Направления 45.03.01 «Филология»
Института филологии и журналистики

Афанасьевой Полины Владимировны

Научный руководитель
профессор, д.ф.н., доцент

И.Ю. Иванюшина

Зав. кафедрой
и.о. зав.кафедрой, к.ф.н., доцент

А.А. Гапоненков

Саратов 2026

ВВЕДЕНИЕ

Творчество А. Блока рубежа 1904–1907 гг. (второй том «лирической трилогии») представляет собой переломный этап, когда поэт отходит от мистического идеала «Прекрасной Дамы» и погружается в стихию земного, хаотичного, амбивалентного мира. Как показано в работах К. Мочульского¹, Д. Максимова² З. Минц^{3,4} и др., в этот период у поэта нарастает ощущение расколотости, дисгармонии мира, появляется ирония, усиливается интерес к «низовой» культуре, фольклорно-мифологическим мотивам. В циклах «Пузыри земли», «Город», «Снежная маска», «Фаина» и других значительное место занимают хтонические образы, связанные с землёй, болотом, бездной, городом, пограничными локусами, ночью, зимой, метелью.

Понятие «хтоническое» (от греч. «χθών» – земля) охватывает как божественный культ производительных сил земли, так и демонических существ подземного мира, а также животных, связанных с мифами. В работе мы опираемся на исследования хтонического Н. Грякаловой⁵, Т. Игошевой⁶, О. Февралевой⁷, О. Ханзена-Лёве⁸, а также на классические труды В. Проппа⁹,

¹ Мочульский, К. В. Александр Блок / К. В. Мочульский. Париж: Умса-Press, 1948. 442 с.

² Максимов, Д. Е. О мифопоэтическом начале в лирике Блока: предварительные замечания / Д. Е. Максимов // Блоковский сборник. Вып. 3. Творчество А.А. Блока и русская культура XX века. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1979. С. 3–33.

³ Минц, З. Г. Блок и русский символизм / З. Г. Минц // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 1. М.: Наука, 1980. 350 с.

⁴ Минц, З. Г. Поэтика Александра Блока / З. Г. Минц. СПб.: Искусство-СПб., 1999. 728 с.

⁵ Грякалова, Н. Ю. О фольклорных источниках поэтической образности Блока / Н. Ю. Грякалова // А. Блок. Исследования и материалы. Л.: Институт русской литературы (Пушкинский дом), 1987. С. 59–60.

⁶ Игошева, Т. В. Образ «матери-земли» в поэтическом сознании А. Блока / Т. В. Игошева. // Филологические науки. 2005. № 6. С. 13–21.

⁷ Февралева, О. В. Образы земли и подземелья в символистской картине мира Александра Блока: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Февралева. Владимир, 2007. 18 с.

⁸ Ханзен-Лёве, О. Русский символизм. Система поэтических мотивов. В 2 т. Т. 2. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика / О. Ханзен-Лёве. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.

⁹ Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 368 с.

Д. Зеленина¹⁰, Л. Виноградовой¹¹.

Актуальность дипломной работы обусловлена растущим интересом современных исследователей к мифотворчеству А. Блока. Внимание к хтоническим образам как важным смыслопорождающим элементам художественного мира поэта-символиста позволяет более детально осмыслить поэтику второго тома лирики А. Блока.

Новизна дипломной работы заключается в системном анализе хтонических образов в поэзии А. Блока 1904–1908 гг., в выявлении структурообразующей функции хтонического начала, разрушительного и гармонизирующего одновременно.

Целью работы является изучение функционирования хтонических образов в стихотворениях А. Блока 1904–1908 гг.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

1. прояснить понятие «хтонический образ», уточнить его семантику и функции в славянской мифологии;
2. проанализировать хтонические образы в стихотворениях циклов «Пузыри земли», «Город», «Снежная маска», «Фаина» и «Разные стихотворения»;
3. провести сопоставительный анализ хтонических образов циклов, позволяющий уточнить эволюцию поэтической картины мира А. Блока 1904–1908 гг.

Материалом исследования послужили стихотворения А. Блока, входящие в циклы 1904–1907 гг.: «Пузыри земли», «Город», «Снежная маска», «Фаина», а также отдельные тексты из «Разных стихотворений».

Структура ВКР включает введение, две главы, разделенных на параграфы, заключение и список использованных источников. Первая глава

¹⁰ Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин; пер. с нем. К. Д. Цивиной. М.: Наука, 1991. 511 с.

¹¹ Виноградова, Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян / Л. Н. Виноградова. М.: Индрик, 2000. 432 с.

«Хтонические существа» посвящена анализу народно-демонологических и индивидуально-авторских хтонических образов. Вторая глава «Пространственно-временные хтонические образы» рассматривает локусы земли, болота, бездны, города, пограничья и присущую им символику цвета, а также образы времени, репрезентующие разные темпоральные модели.

Глава I «Хтонические существа» содержит анализ термина «хтонический образ», его историю и существующие классификации. На основе работ В. Проппа, Д. Зеленина, Л. Виноградовой, С. Максимова и др. уточняется понятие хтонического – сил земли, подземного мира, хаоса, их связи со смертью, плодородием, переходными состояниями.

В параграфе 1.1 исследуются образы хтонических существ в цикле «Пузыри земли», который открывает «второй том» лирики А. Блока. Центральная идея цикла, по мнению З. Минц, состоит в том, что природа с её «пузырями земли» остаётся главной реальностью после исчезновения «Прекрасной Дамы». Пейзаж поздней осени (прозрачное небо, тихие леса, берёзы, узкий закат) проникнут светлой печалью и одновременно населён хтоническими образами – болотной нежитью, слабой и болезненной («голова русалки больной»¹²). Лирический герой ощущает родство с этими отверженными существами, узнавая в «захудалом черте» (С. 12) собственную стёртость, затерянность и причастность тайным силам природы.

Природный мир у А. Блока внутренне гармоничен и лишён вражды: в нём мирно сосуществуют «болотные чертенята» и милосердный «болотный попик», который исцеляет хромую лягушку и с радостью принимает «всякого гада». Нимфы и эхо воплощают добрую, органически радостную стихию. Там, где утверждается право природы на самостоятельное бытие, появляется фигура «полевого Христа»: лесные обитатели просят старушку не брать их в святые места, потому что и здесь они поклоняются своему Христу, а в майских

¹² Блок, А. А. Полное собрание сочинений. В 20 т. Т. 2 / А. А. Блок. М.: Наука, 1997. С. 18. В дальнейшем все тексты А. Блока приводятся по этому изданию с указанием страницы в тексте работы.

чарах «затлевают и нам Купина» (С. 18). Майская ночь сочетает языческую и христианскую символику, а Неопалимая Купина становится образом тихого, постоянного присутствия божественного огня в природе. Так А. Блок примиряет языческое и христианское начала на основе добра, милосердия и взаимного невмешательства.

В параграфе 1.2 анализируется авторская мифология в цикле «Город». Изображаемое пространство города соотносится с Петербургом, наследующим «романтическому гротеску» Гоголя и «фантастическому реализму» Достоевского¹³. У А. Блока город — это символ обречённого мира, в котором господствует хаос. По характеристике З. Минц, «город — место страдания, бесчестья, где торжествует грубая сила и деньги, где всё (и любовь!) продаётся и покупается»¹⁴, порождение дьявола, змея, который лишь притаился под копытами Медного всадника. Город предстаёт как локус смерти: «мёртвый лик» (С. 103), дома-могилы, пустые улицы. В этом пространстве действуют индивидуально-авторские хтонические существа: «пьяный красный карлик», «Багряный Зверь», «Невидимка», «Третий». В отличие от болотной нежити, они лишены двойственности и откровенно враждебны человеку. Карлик (сочетающий собачьи уши, бороду и красный фрак) появляется в стихотворении «Обман». Преграждая путь героине, он оставляет её лежать у забора «мокрым комком» с «дьявольским клеймом» (С. 102). В глазах девушки навсегда запечатлевается символ духовной гибели. Неопределённый «Третий» в «Легенде» — неслышный спутник двух девушек, оборачивающийся роком и несущий гибель. Смех как карнавальное преодоление страха здесь не спасает — спасает лишь осознание ужаса и молитва. «Невидимка», хохочущий над обречёнными, танцует над топью, воеет псом, мяучит кошкой, швыряет блудницам розы, а затем обличает: «Слепые, продажные твари? Кто небо запачкал в крови?» (С. 114). Цикл завершается

¹³ Мочульский, К. В. Александр Блок / К. В. Мочульский. Париж: Ymca-Press, 1948. С. 171.

¹⁴ Минц, З. Г. Блок и русский символизм / З. Г. Минц // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 1. М.: Наука, 1980. С. 54

явлением «Багряного Зверя», на спине которого восседает жена – прямая отсылка к образу вавилонской блудницы из Апокалипсиса, что придаёт городу эсхатологическое измерение.

Образ змеи («И если лик свободы явлен, / То прежде явлен лик змеи» (С. 117)) и коня (топот в «Пожаре» звучит как предвестие хаоса и гибели) дополняют хтонический миф Петербурга. Конь Медного всадника, попирающий змею, у А. Блока становится вестником смерти, подчёркивая неотвратимость разрушения падшего мира и возможность спасения лишь через очищение.

Параграф 1.3 посвящен циклам «Снежная маска» и «Фаина». Центральный хтонический образ этих циклов – Снежная Дева. Она порождена стихией: «Вихрей северная дочь» (С. 156), её сопровождают метель, выюга, снег. Л. Колобаева отмечает, что снег у А. Блока – знак душевного холода и одновременно некой чистоты, лежащей вне добра и зла.

Облик Девы подчёркнуто «тёмный»: «темноокая», «темнокрылая», «тёмный шёлк» (С. 176), «тёмная вуаль» (С. 175). Это связывает её с хтонической природой, ночным миром. Взгляд героини сравнивается со стрелой и кометой, сама она – с ускользающей птицей.

Ключевую роль в образе Девы играет змеиная символика. С одной стороны, она – змея-искусительница («Вползи ко мне змеей ползучей» (С. 177)), с другой – Медуза Горгона с «тяжелозмейными волосами», но её взгляд не обращает в камень, а вызывает лихорадочное движение. В ней слиты «жало смерти» и «исцеляющее жало», она «светлозмейна» и «чародейна». Змеиное и человеческое образуют единый образ, делая героиню посредником между мирами.

Лирический герой – уже не слуга Прекрасной Дамы, а одержимый страстью, пробудившийся от иллюзий «Тёмный рыцарь».

В параграфе 1.4 рассматриваются хронические образы в цикле «Разные стихотворения». Важное место в нем занимают море/океан и его обитатели. Образ моря амбивалентен: с одной стороны, это свобода, холодное

материнское начало; с другой – смерть, которая «привиделась издали» без ужаса, спокойная и тихая. Хтоническими вестниками смерти становятся сирены – спутницы Персефоны. У А. Блока они лишены визуального облика, даны только через звук: «Вы слышите – где-то – / За ночью, за бурей – взыванье сирен!» (С. 149). Однако вместо страха их вой рождает «новую надежду». О. Ханзен-Лёве подчёркивает, что душа у А. Блока подобна кораблю, плывущему над бессознательными глубинами, которые манят и грозят гибелью; море становится пространством встречи с тайной бытия, которую герой принимает¹⁵.

В стихотворении «Проклятый колокол» хтоническими чертами наделяется филин, в роли хтонического пространства выступает болото. Звук колокола летит над ним, как филин – ночная птица, вестник смерти, отсылающий к «Макбету». Звон предвещает кару, призывает людей пробудиться от бессмысленного круговорота времени к осознанию приближения Судного дня.

В целом хтонические образы цикла связаны с экзистенциальной проблематикой жизни и смерти, бессмысленного существования и необходимости пробуждения.

Таким образом, хтонические образы А. Блока 1904–1907 гг. делятся на природные (фольклорные) – болотные чертенята, попик, русалка, сирены – и городские (индивидуально-авторские) – Невидимка, Третий, Багряный зверь, красный карлик. В «Пузырях земли» природа гармонична и лишена враждебности, хтонические существа полны милосердия, а лирический герой органично включён в этот мир. В «Городе» они становятся символами зла и порока, перед которыми герой беззащитен. В «Снежной маске» и «Фаине» хтоническое концентрируется вокруг Снежной Девы, связанной со стихиями. Образ змеи соединяет противоположные коннотации, а хтонические

¹⁵ Ханзен-Лёве, О. Русский символизм. Система поэтических мотивов. В 2 т. Т. 2. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика / О. Ханзен-Лёве. СПб.: Академический проект, 2003. С. 689.

животные (конь, филин, волк) появляются в качестве знаков судьбы. Характерные черты блоковской мифологии – амбивалентность хтонических образов, их связь с пограничьем, антропоморфизация (змеиные черты Девы), психологизация (хтонический образ как проекция душевного состояния героя), снятие оппозиции языческого и христианского.

Глава II. Пространственно-временные хтонические образы

Хтонические существа у А. Блока обитают в особых пространственно-временных локусах, которые имеют пограничный характер. Это зоны между жизнью и смертью.

В параграфе 2.1 анализируются образы земли и болота, как основные пространства, изображаемые в цикле «Пузыри земли». Образ земли в поэзии А. Блока наделяется отрицательными, враждебными коннотациями («жестокая», «раскалённая»). Внимание поэта привлекают такие хтонические локусы, как отверстия в земле, обрывы, косогоры, овраги. В «Плясках осенних» овраг становится могилой-бороздкой, в которую падает злак, символизируя вечный круговорот умирания и рождения.

Болото объединяет землю и воду, две хтонические стихии. В христианской параллели, отмеченной О. Ханзен-Лёве, земля – хлеб, вода – вино евхаристии, что вводит тему смерти и воскресения¹⁶. У А. Блока болото лишено отрицательных коннотаций: «Мне болотная схима – желанный покой» (С. 16). Это место умиротворения, колыбель природы, сохраняющая отжившее. В стихотворении «Болото – глубокая впадина...» (С. 16) этот образ предстаёт гигантской глазницей земли, наполненной слезами, утратившей зрение, но хранящей память. Здесь расцветает ночная фиалка, чей аромат соединяет «чувственное» и «чистое», снимая дихотомию «низ» – «верх».

Болотистый лес осмысливается А. Блоком как переходная зона на пути «вочеловечения». Таким образом, болото – двойственный локус, пугающий и

¹⁶ Ханзен-Лёве, О. Русский символизм. Система поэтических мотивов. В 2 т. Т. 2. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика / О. Ханзен-Лёве. СПб.: Академический проект, 2003. С. 663.

дарующий покой, необходимый этап духовной эволюции.

Параграф 2.2 рассматривает особенности интерпретации А. Блоком образа бездны и возникающие в связи с этим пространственные оппозиции. Бездна типологически сходна с болотом: она лишена чётких границ, актуализирует мотив двойничества, стирает различие между «я» и «не-я». В «Снежной маске» бездна становится структурообразующей: героиню «влечёт к безднам», но они «звёздные», что переносит хтоническое из подземного в космическое измерение. Бездна амбивалентна, как и сама Дева.

В «Фаине» выстраиваются оппозиции «верх» – «низ» и «близь» – «даль». «Высь» не обещает христианского спасения, «ночь мучительного брака» ведёт в «бездну, в лоно ночи» (С. 184). Образы круга, хоровода, танца символизируют языческое вечное возвращение, противостоящее христианскому пути. «Даль» связывается с миром Снежной Девы, непонятным и пугающим, но и «близь» (земные города) не даёт безопасности. Л. Колобаева подчёркивает ироническую функцию этих оппозиций: ирония над «балаганом» действительности раскрывает трагический разрыв между идеалом и реальностью¹⁷. Так, бездна задаёт вертикаль спасения, а круговые образы – циклизм. В их столкновении рождается хтоническое пространство.

Параграф 2.3 посвящен образу города. В цикле «Город» ключевыми локусами становятся дом, улица и окно, утрачивающие привычные функции. Дом – могила («Все покидают могилы домов...» (С. 104)) или инобытие («Ангел белую девушку в дом свой унес» (С. 114)), но не убежище. Улица дана через inferнальную образность: могильный холод, серный запах, пьяные крики, забвение: «сонное озеро города – зимнего холода» (С. 110). Город – это не парадный Петербург, а задворки, фабрики, кабаки.

Окно, покрытое пылью, теряет прозрачность и становится зеркалом внутренней замкнутости героя: «пыльно-серая мгла» пронзается лучом, как иглой.

¹⁷ Колобаева, Л. А. Русский символизм / Л. А. Колобаева. М.: Изд-во Московского ун-та, 2000. С. 167.

Петербург, построенный на болоте, есть хтонический локус, в котором пересекаются вода и земля, а жизнь и смерть взаимообусловлены. А. Блок создаёт метафизический образ города-ловушки, города-кладбища, где дом, улица и окно маркируют пограничное пространство между жизнью и смертью, лишая героя надежды и превращая Петербург в символ духовной гибели.

В параграфе 2.4 подробнее рассматриваются пограничные пространства и их связь с хтоническим. В стихотворениях 1904–1908 гг. важнейшим организующим началом выступает мотив переходности, воплощённый в образах порога, перекрёстка, ограды, окна, моста, реки – мест действия потусторонних сил. В «Пузырях земли» герой то стоит на мосту, то встречает весну на перекрёстке, то наблюдает, как ворота «запирают» безумные ключи. Эти локусы символизируют потерянность героя и соприкосновение с иным миром.

В «Фаине» и «Снежной маске» особую роль играет река – граница между жизнью и смертью, «река времени». Река персонифицирована, она «зовёт» и «соблазняет раствориться», требует умирания как средства очищения души. В стихотворении «Заклятие огнём и мраком» герой смотрится в реку, но не видит своего отражения («Река – прозрачное стекло / И только – нет меня...» (С. 187)), осознавая своё лиминальное, хтоническое состояние. Так, пограничные локусы становятся пространством трагически безвыходного пребывания «между» мирами.

В параграфе 2.5 анализируются временные образы в циклах 1904–1908 гг. Хтоническое начало тесно связано с цикличностью, наглядной моделью которой является смена времён года. Осень – «тишина умирающих злаков» (С. 21), светлая пора сна, подготовка к новому рождению, круг «неразлучный и радостный» (С. 21). Весна – пробуждение от хтонического сна, выход к новой жизни. Однако лирический герой лишён природной гармонии: «В печальном весельи встречаю весну» (С. 11), он застревает в лиминальной фазе, где хтоническое перевешивает. В «Снежной маске» весна не может наступить: «Весны не будет, и не надо: / Крещеньем третьим будет – Смерть» (С. 146).

Второе крещение – антитеза, отказ от былой веры, третье синтез – смерть без воскресения. Действие цикла происходит зимой: зима – это душевный холод и одновременно чистота вне категорий добра и зла. Метель, вьюга, вихрь символизируют лишённое направленного движения время, вечное возвращение.

Ночь – основное время суток во всех циклах. Это одушевлённая хтоническая стихия. В «Легенде» ночь наравне с Третьим ведёт девушку к гибели, в «Повести» принимает выброшенного ребёнка, а в «Ночи» предстаёт космической царицей в чёрном одеянии с бледно-фосфорным сиянием, соединяя хаос и космос.

Как показал анализ, временные образы в рассмотренных циклах формируют хтоническую модель циклического бытия, в которой лирический герой утрачивает природную гармонию и оказывается в плену у стихий.

Параграф 2.6 посвящен символике цвета. Цвет во втором томе лирики А. Блока – важное средство выражения хтонического.

В «Пузырях земли» доминируют зелёный и чёрный. Зелёный – самый природный и одновременно болезненный цвет. Это хтоническая зелень подземного мира, в которой герой ищет «желанный покой». Чёрный цвет ночи («в длинном чёрном одеянии» (С. 45)) маркирует таинственный, потусторонний мир.

В «Городе» преобладают красный и чёрный цвета в апокалиптическом их значении. Красный – кровь, пожар, цвет хтонических персонажей (красный карлик, Багряный зверь). Город окрашен в кровавые тона: «Город в красные пределы / Мёртвый лик свой обратил» (С. 103), «кровавая мостовая». Чёрный символизирует пустоту и пошлость, пепел после пожара.

В «Снежной маске» и «Фаине» ведущим становится белый цвет снежной стихии, который у А. Блока означает не антипод чёрного, а забвение, смерть, холодную демоническую красоту Девы. На белом фоне резко выделяются чёрные детали облика героини (тёмный шёлк, змеиные кудри), создавая контраст, усиливающий хтоническую природу образа. Так цветовая система

становится полноценным участником мифотворчества, воплощая индивидуально-авторское видение традиционных символов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволило рассмотреть лирику А. Блока 1904–1908 годов как целостную художественно-мифологическую систему.

Ключевая особенность хтонических образов у А. Блока – двойственность. В отличие от народной демонологии, где хтонические существа часто однозначно враждебны, А. Блок наделяет их противоречивыми характеристиками. Болотные чертенята – безобидны, они живут в гармонии с «полевым Христом». Снежная Дева несет и смертельную угрозу, и спасение. Даже городские демоны парадоксально ведут к очищению и обращению к Богу. Образы моря и сирен отражают восприятие смерти как естественного процесса, а не катастрофы.

Столкновение двух моделей мира – главное в хтоническом пространстве второго тома. Христианская вертикаль (верх–низ, взлёт–падение, космос–бездна) предполагает путь, направленное движение, конечную цель, спасение. Языческий круг (танец, хоровод, метель, вихрь) символизирует вечное повторение, где конец есть лишь начало нового цикла.

Лирический герой второго тома противоречив. Он стремится вверх, к звездной бездне, к идеалу, но оказывается замкнут в круговороте стихий. Выход из этого противоречия не находится; оно фиксируется как перманентный кризис. Именно здесь проявляет себя авторская ирония: абсолют недостижим, путь к нему иллюзорен, а идеал оборачивается своей противоположностью.

В отличие от земли, болота, леса, где смерть всегда даёт начало новой жизни, город в одноимённом цикле лишён этой созидательной силы. Образы дома-могилы, улицы-ада, кровавой мостовой фиксируют состояние духовной энтропии. Петербург, построенный на болоте, наследует его хтоническую природу, но теряет положительную амбивалентность. Город – метафора

внутреннего ада героя, «проклятое пространство», где невозможна трансформация.

Хтоническое пространство диктует особое положение лирического героя – он постоянно находится на границе: перекрёсток, мост, окно, берег реки. Герой не принадлежит ни миру живых, ни миру мёртвых. Эта топологическая неукоренённость отражает его внутреннюю двойственность, утрату воли и неспособность к окончательному выбору.

Временные образы (осень, весна, зима, ночь) утрачивают природное, цикличное значение и превращаются в маркеры душевного состояния. Весна уже не пробуждает героя, зима становится вечным, безвыходным состоянием.

Таким образом, хтонические образы у А. Блока выполняют структурообразующую, смыслопорождающую и экзистенциальную функции, организуя художественный мир стихотворений второго тома и отражая кризисное мироощущение поэта на этапе «антитезы».